

Н. Долинина

Что такое патриотизм?

Вы помните длиннолицую княжну Катишь, кузину Пьера? Ту самую, у которой волосы были всегда так гладко причесаны, что казались «сделаны из одного куска с головой»? Ту, что вместе с князем Василием собиралась припрятать завещание старого графа Безухова, хранившееся в мозаиковом портфеле, и тем самым ограбить Пьера?

Мало приятная особа. Но вот в августе 1812 года она явилась в кабинет Пьера, поскольку до сих пор продолжает жить в его доме. Пьер объяснил ей, что французы в Москву не придут, но княжна ответила: «Я об одном прошу... прикажите свезти меня в Петербург: какая я ни есть, а я под бонапартовской властью жить не могу».

Пьер пытался внушить ей, что опасности нет (это было еще до Бородинского сражения), но княжна отвечала: «Я вашему Наполеону не покорюсь». И уехала на другой день к вечеру.

Даже Жюли Карагина-Друбецкая со своими штрафами за французские слова, со своими сплетнями, поклонниками, ужимками — со всей своей фальшью, даже она становится искренней, когда объясняет, почему решила уехать из Москвы: «Я еду, потому..., ну потому, что все едут, и потом я не Иоанна д'Арк и не амазонка...»

Даже в ее птичьей голове есть твердое убеждение: остаться можно для того, чтобы бороться, а не можешь бороться — уезжай. Другого выхода нет.

Никто не заставлял москвичей уезжать — наоборот, московский главнокомандующий граф Растропчин долгое время уговаривал их оставаться и называл трусами тех, кто едет. Но они ехали «потому, что для русских людей не могло быть вопроса: хорошо ли или дурно будет под управлением французов в Москве. Под управлением французов нельзя было быть: это было хуже всего... Та барыня, которая еще в июне месяце с своими арапами и шутихами поднималась из Москвы в саратовскую деревню, с смутным сознанием того, что она Бонапарту не слуга... делала просто и истинно то великое дело, которое спасло Россию».

Где уж понять это Бергу, произносящему красивые слова о геройстве русских войск перед растерявшимся старым графом Ростовым: «Я вам скажу, папаша (он ударил себя в грудь так же, как ударял себя один рассказывавший при нем генерал, хотя несколько поздно, потому что ударить себя в грудь надо было при слове «российское войско»), — я вам скажу откровенно, что мы, начальники, не только не должны были подгонять солдат или что-нибудь такое, но мы насилу могли удерживать эти, эти... да, мужественные и древние подвиги...» Но тут же от красивых слов он переходит к делу: «Я зашел, знаете, из любопытства, и там одна шифоньерочка и туалет. Вы знаете, как Верушка этого желала и как мы спорили об этом... И такая прелесть! выдвигается и с аглицким секретом, знаете?...»

Они всегда находятся, эти люди, наживающиеся на общей беде, скупающие по дешевке мебель, картины, вещи тех, кого горе гонит с насиженных мест. Они всегда искренни — как беспредельно искренен Берг в своем стремлении купить шифоньерочку и туалет «с аглицким секретом»; ему и в голову не приходит, что сейчас стыдно думать о шифоньерочках.

Но, как всегда выясняется при трагических обстоятельствах, люди все-таки лучше, чем можно было бы подумать. Ни от княжны Катишь, ни, тем более, от Жюли мы не ждали такого простого и естественного поведения: «Наполеону не покорюсь», а они оказались способны на него.

Когда Наполеон 2 сентября утром стоял на Поклонной горе, ожидая депутацию бояр с ключами от города, он не мог себе представить, что Москва пуста.

Нет, не пошла Москва моя
К нему с повинной головою.
Не праздник, не приемный дар,
Она готовила пожар|
Нетерпеливому герою...

Так писал об этом Пушкин. Толстой подробно рассказывает, как Наполеон создавал в уме речь, чтобы произнести ее перед боярами, как он хотел быть великодушен и благороден, и милостив к побежденному врагу — и как все это сорвалось, потому что Москва была пуста. Уехали еще в начале июля дворяне, для которых французский язык был родным, пока французы не пришли на их землю. Уехали и ушли пешком купцы, мастеровые, ремесленники. А те, кто остались,— их было всего около десяти тысяч на огромный город — собрались у дома графа Растопчина в то самое утро 2 сентября, когда Наполеон на Поклонной горе ждал депутацию.

«— Что ж, господа да купцы повыехали, а мы за то и пропадаем? Что ж, мы собаки, что ль!» — слышалось чаще в толпе».

Растопчин, выглянув из окна, понял, что возмущенная толпа способна растерзать его. Он так долго убеждал народ, что француз не будет в Москве, — теперь всем стало ясно, что он обманщик. А он не обманщик вовсе — он и сам до последнего верил тому, что говорил. Просто он, как Бенигсен, как другие, думал не о Москве, а о своей роли в защите Москвы — он играл эту роль упоенно, вылавливал шпионов и изменников, а если их не оказывалось, хватал первых попавшихся людей и объявлял их изменниками. Так он и Пьера счел подозрительным, так приказал арестовать купеческого сына Верещагина, хотя никакая вина его не была доказана.

Но сейчас, увидев бушующую толпу и поняв, что она требует жертвы, он вспомнил о Верещагине, велел привести его и отдал на растерзание толпе.

«— Бей его!.. Пускай погибнет изменник и не срамит имя русского! — закричал Растопчин. — Руби! Я приказываю!»

Возбужденная им толпа бросилась на Верещагина и растерзала его. Это освободило дорогу графу Растопчину. Но, выезжая из Москвы, он встретил выпущенных по его же приказу из больниц сумасшедших. Один из них странно напомнил Растопчину Верещагина, и «он ясно чувствовал теперь, что кровавый след этого воспоминания никогда не заживет...»

Растопчин — один из самых нелюбимых Толстым героев романа; Толстой издевается над его лихорадочной и пустой деятельностью, над его глупыми «афишками», которыми он намеревается поддерживать в народе патриотический дух; и наконец, Толстой показывает его преступление: спасаясь от народного гнева, он отправил на смерть ни в чем не повинного человека.

Растопчин понятен. Но зачем Толстому понадобилось так подробно, так невыносимо ярко рисовать картину зверского убийства Верещагина?

Затем, что он хотел показать: сила народной толпы огромна и может быть злой, если ее направить на зло. Люди из толпы сами по себе добры. Сколько их видел Пьер по дороге к Бородину и на обратном пути! Когда он, усталый и измученный, прилег у дороги, около него расположились трое солдат: «развели огонь, поставили на него котелок, накрошили в него сухарей и положили сала». Голодный Пьер «приподнялся и вздохнул». Солдаты накормили его и проводили до Можайска, где он нашел своих. Эти же самые солдаты могли оказаться у дома графа Растопчина и убивать Верещагина, оставаясь при этом добрыми, но обманутыми людьми.

Толстой знает: патриотизм — не простое чувство. Потому он и рисует зверскую сцену убийства в самый трудный день, когда войска Наполеона войдут в Москву. Граф

Растопчин, обманывающий себя и народ, твердя, что французы не войдут в Москву, считал себя наилучшим патриотом; в результате его деятельности из Москвы не успели вывезти половину ценностей, а главное — не успели уйти люди, и погибли многие, кто мог бы жить.

Как и все лучшие человеческие чувства, патриотизм — по мнению Толстого — это естественное движение души, и уже поэтому граф Растопчин не может быть истинным патриотом: естественное ему чуждо.

Вы помните, как вела себя все эти дни Наташа? Ростовы, до сих пор не успевшие уехать, были заняты укладыванием своего добра. «Наташе совестно было ничего не делать в доме, тогда как все были так заняты... но душа ее не лежала к этому делу; а она не могла и не умела делать что-нибудь не от всей души, не изо всех своих сил».

Что могло заставить Наташу опомниться от своего безделья, от задумчивости, в которую погрузил ее вид старого бального платья? Она увидела раненых и пригласила их остановиться в доме. После этого она поняла, что все заняты делом, одна она позволяет себе думать о своем, предаваться своим воспоминаниям и горестям, когда война у ворот.

Поэтому она «с свойственной ей во всем страстностью» бросилась укладывать ковры и фарфор, закрывать ящики, и за несколько часов все было разумно уложено.

Но тут произошел конфликт между ее родителями. Граф «по своей простоте» приказал снять с подвод некоторые вещи и взять раненых. Графиня сурово сказала ему: «Я, мой друг, не согласна и не согласна. Воля твоя! На раненых есть правительство... Пожалей хоть не меня, так детей...»

Графиня помнит то, чего не помнит граф: Ростовы разорены. То, что лежит в этих ящиках, — в сущности, единственное достояние семьи. Если оно погибнет, Наташа останется бесприданницей. А о ней ходят дурные слухи: отказала хорошему жениху, ее пытались тайно увезти... Кто женится на ней без приданого? И вдобавок Николай хочет жениться на бесприданнице Соне — откуда будет взять средства, если погибнет это последнее?

Графиня думает не о себе — о детях. Она говорит своему мужу совершенно справедливые слова — с ее точки зрения. Но — безобразные и безнравственные с точки зрения той морали, по которой живет Наташа и о существовании которой не подозревает Берг. Он-то хорошо понял графиню и «родственно-почтительно утешал ее», хотя ему и не дали мужиков, чтобы вывезти шифоньерочку.

А Наташа не хочет и не может понять мать, потому что она совершенно естественно не думает в эту минуту ни о своем приданом, ни об имуществе семьи, а думает о раненых, которых нельзя оставить французам. Поэтому она «с изуродованным злобой лицом, как буря ворвалась в комнату и быстрыми шагами подошла к матери.

— Это гадость! Это мерзость! — закричала она. — Это не может быть, чтобы вы приказали».

Наташа, со своей чуткостью, не может говорить с матерью в таком тоне; она тут же просит прощенья за свою резкость, но в главном она не уступит ни за что: «Маменька!.. Это не может быть!..»

И графиня сдалась.

«— Яйца... яйца курицу учат... — сквозь счастливые слезы проговорил граф и обнял жену, которая рада была скрыть на его груди свое пристыженное лицо».

А Наташа, теперь уже сознавая смысл того, что она делает, принялась руководить освобождением подвод. Приходило ли ей на ум, что она для этих раненых, может быть, принесла в жертву всю свою будущую жизнь? Нет, не приходило, потому что думать о себе в эту минуту было бы дико и неестественно. Старая графиня поняла это и устыдилась. А граф Растопчин не стыдится, и Берг не стыдится.

Так отвечает Толстой на вопрос: что такое патриотизм? Не громкие слова, не шумная деятельность и суетливость, а простое и естественное чувство «потребности жертвы и страдания при сознании общего несчастья». Это чувство — общее у Наташи и Пьера, оно же владело Петей Ростовым, когда он ликовал, что попал в Москву, где скоро будет сражение; его испытывала старая служанка Ростовых Мавра Кузьминишна, отдавая свои накопленные деньги незнакомому офицеру, похожему на ее господ; и то же чувство влекло толпу к дому обманувшего ее графа Ростопчина, потому что люди из толпы шли вовсе не убивать Верещагина, они хотели сражаться с Наполеоном.

Все эти поступки и намерения, при всей их разности, были патриотическими, потому что, задумывая или совершая их, люди думали не о себе.